

ХУТОРОК

Кушаком исхоженных дорог
Подпоясан. В зеркало заката,
Пригорюнясь, смотрит хуторок,
Щуря окна хат подслеповато.

Подряхлевший, выцветший слегка.
Пыль на крышах куреней – попоной.
Но, как встарь, протянута рука
Журавля с ведром воды студёной.

Живописной стайкой, у плетня –
Васильки. Беспечны и игривы.
По крапиве, запахом дразня,
Раскатились яблоки и сливы.

Вековухи-ивы – вдоль реки...
Ковыли – солидно седовласы...
И, как встарь, подшиты чирики,
И нашиты на портки лампасы.

* * *

Мне за тебя молиться надо.
Но я в бессилии – пока

Встают незримою преградой
Слова слетевши с языка.

Пока безверья давит бремя,
Пока соблазнов крепок лёд,
Я жду, когда наступит время –
Душа заблудшая взвёт

И, нивелиром, угол зренья
С гордыни спустит в простоту.
Тогда, познавши суть прощенья,
Я до молитвы dorасту.

* * *

Зимы, карающая длань –
Тройною силой.
В пути, щитом надёжным стань,
Мой Ангел, милый,
Поговори со мной чуть-чуть...
Начнём сначала.
Как трудно мне постигнуть суть.
Я зря молчала?
Тебе легко... Ты можешь ждать
Сквозь мрак столетий.
А я, за целый мир опять –

Одна в ответе.
Пылают избы на пути,
И скачут кони...
Снежинку можно ли спасти
Теплом ладони?

Пряталась в подушку торопливо
По щеке сбежавшая слеза.

* * *

МАМЕ

Посветлела ночь в оконной раме.
Рвался сон, как тоненькая нить.
Захотелось вдруг прижаться к маме,
Просто, ни о чём поговорить...

Зашуршали памяти страницы,
Всполоша текучих мыслей гладь.
Захотелось к маме прислониться,
Чтоб о чём-то вместе помолчать...

Зимний день вступал в права лениво,
Солнцу – тучей сонно тер глаза.

Вывод войск... Чем дальше эта дата –
Тем вопросов больше... И вдвойне
Рвут сомненья старого солдата,
Выжившего в той, чужой войне.

Ночь, в окрасе горечи и хмеля,
Вновь несётся в ад Афганских стуж:
Облака, как уши спаниеля,
Свешены с вершины Гиндукуш.

В неуюте грозного Саланга
Неустанно, долгих тридцать лет,
Ищет необстрелянный салага,
Есть ли там в конце тоннеля свет.

* * *

Перевернутый мир отражается в зеркале слёз.
У закатов глаза – холодны и слегка близоруки.
Дом, как бомж бесприютный – щетиной сосулেক зарос.
У бульваров и улиц метелями скованы руки.

Это просто февраль. Это просто на сердце зима.
Неуютность души... Параллелью – зашоренность взгляда.
Словно сказочный крот, я считаю запасы зерна –
До прихода весны мне ползёрнышка радости надо...

* * *

В зеркало пыльное бьётся, как птица, рассвет.
Солнце, спросонок, запутавшись в шторах лучами,
Смотрит на мир, где тебя и меня больше нет.
Слушает мир, где с тобой мы уже отзвучали.

Время слизнёт быстрый день, словно каплю росы
И в бесконечность растянет бессонницу ночи.
Вновь несговорчивость чёрной, как смоль полосы,
Бег в безнадежность для двух параллельных пророчит...

Сердце прибито гвоздями на крест тишины.
Вяжет разлука, на шее надежды – удавку.

Ветром разносится в прах превращенное «МЫ».
Я где-то...
Ты где-то...
Брошены крылья под лавку.

* * *

Ещё небес бездонна синева.
Земля, коврами спелых трав покрыта.
В окрасе леса больше малахита,
Но Осени все отданы права.

Всё внемлет ей – земля и облака.
Всё замирает в ожиданье дива.
Она идёт на царство горделиво
И поступь ног босых её легка...

Идёт, даря очарованье нам.
Как всполох рыжий шлейф её витает...
И зачарованный Сентябрь кидает
Охапки золота к её босым ногам.

* * *

Увидеть, вдруг, как красит серебром
Небесный полог звёздная роса.
Наполнится до краешка добром,
Впуская в сердце веру в чудеса.

И без раздумий, под углом, в пике
Уйти. Не различая – низ и верх.
И зажимая звёзды в кулаке,
Вкусить тебя, как первородный грех.

И рисовать на вираже цветы.
Мешая на мольберте жизнь и смерть.
И забывая «Я» остаться в – «ТЫ»
И никогда о том не пожалеть.